

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Зарубежная философия.

Современный взгляд

КРИТИКА ДАНОМ ШПЕРБЕРОМ МЕМЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К КУЛЬТУРЕ

М.О. КЕДРОВА

Когда речь идет о критике кем-либо какого-то направления, это дает возможность поговорить не только о том, что критикуется, но и о том, кто критикует. В данном случае это один из ведущих современных философов культуры и представитель когнитивной науки, французский философ Дан Шпербер. Шпербер так же, как и меметики, находится в рамках эволюционного, натуралистического подхода к культуре, но в отличие от представителей меметического подхода, он развивает собственную теорию, которая называется «эпидемиология репрезентаций». В книге «Объясняя культуру» (*Explaining Culture*, 1996) он пишет: «Культура состоит скорее всего и прежде всего из ... заразных идей. ...Следовательно, объяснить культуру – значит объяснить, как и почему некоторые идеи становятся заразными. Это требует развития истинной *эпидемиологии репрезентаций*»¹. Таким образом, идеи как вирусы распространяются в культуре, и человек в каком-то смысле беззащитен перед ними. Шпербер поясняет особенности эпидемиологического подхода к культуре следующим примером: «Допустим, у вас есть популяция (например, группа людей), и есть некое интересующее вас свойство (например, диабет, светлые волосы или вера в ведьм), которое члены популяции могут иметь или не иметь. Эпидемиологический подход будет состоять в описании и объяснении распределения этого свойства в данной популяции. Эпидемиология не ограничивается заразными болезнями: диабет не заразен, вера в ведьм не является болезнью, а светлые волосы не являются ни тем, ни другим»². Важной особенностью эпидемиологии репрезентаций является то, что она использует самые различные объяснительные модели. Она заимствует модели из биологии, в частности, из генетики, из экологических наук, из социологии и социальной психологии. Однако Шпербер подчеркивает, что «для всех эпидемиологических моделей, какими бы разнообразными они ни были, общим остается тот факт, что они объясняют макрофеномены в масштабе популяции (такие, как эпидемии) как кумулятивный эффект микропроцессов, вызванных индивидуальными событиями (такими, как заражение какой-либо болезнью). Этим эпидемиология сильно отличается от «холистических» объяснений, когда макрофеномены объясняются

на основе других макрофеноменов: например, религия объясняется в терминах экономических структур и наоборот»³. Шпербер отмечает, что в рамках подхода к культуре, развиваемого Ричардом Докинзом, психологии и когнитивным наукам отводится весьма ограниченная роль. Однако микромеханизмы, запускающие распространение идей, — это когнитивные механизмы. Таким образом, эпидемиология репрезентаций — это исследовательская программа, опирающаяся на когнитивные и социальные науки. В этом пункте Шпербер существенно расходится с Докинзом. Для того чтобы рассмотреть подробнее полемику Шпербера с Докинзом и в целом с меметикой, обратимся к его статье, которая была опубликована в сборнике «Дарвинизируя культуру» (*Darwinizing Culture*, 2000) и которая называется «Возражение меметическому подходу к культуре»⁴.

Поскольку литература о меметике весьма обширна и разнообразна, возможно, имеет смысл сказать в общих чертах, о чем именно идет речь. В 1904 г. немецкий биолог Рихард Земон опубликовал книгу, которая в английском переводе получила название «Мнем» (*The Mneme*) и в которой он в частности рассматривал проблему передачи опыта в рамках культуры. В 1976 г. Ричард Докинз в книге «Эгоистичный ген» (*The Selfish Gene*), в 11 главе выдвигает гипотезу о способе культурной трансляции и использует это слово, только уже в форме «meme». В 1983 г. в журнале *Scientific American* американский философ Дуглас Хофштадтер предложил назвать дисциплину, изучающую мемы, меметикой. В 1988 г. это понятие было включено в Оксфордский словарь английского языка. Согласно этому подходу, культура состоит из мемов. Докинз дает определение мемов как культурных репликаторов, передающихся с помощью имитации и подвергающихся отбору. В начале 1990-х гг. меметикой всерьез заинтересовался американский философ Дэниел Деннет, который в книгах «Объясненное сознание» (*Consciousness Explained*, 1991) и «Опасная идея Дарвина» (*Darwin's Dangerous Idea*, 1995) утверждает, что ключевым отличием человека от животных является его способность хранить и воспроизводить мемы. Деннет описывает процесс эволюции как алгоритм, т.е. вразумную процедуру, которая должна порождать некий результат. Алгоритмы нейтральны по отношению к своему субстрату, они могут включать самые различные материалы. Человек с карандашом и бумагой, простой калькулятор или сложный компьютер — все могут выполнять один и тот же алгоритм, выполняя одну и ту же математическую процедуру, и получить один и тот же ответ. Субстрат не имеет никакого значения, важна только сама логическая процедура. В случае теории Дарвина субстратом являются живые существа и их среда обитания, но Деннет указывает на то, что логику Дарвина можно применить к любым системам, в которых существуют наследственность, изменчивость и отбор. В этом состоит суть идеи Универсального дарвинизма. Таким образом, Универсальный дарвинизм — это приложение дарвиновской парадигмы к тому, что выходит за рамки биологической эволюции.

В конце 1990-х гг. выходит в свет книга английского философа и психолога Сьюзан Блэкмор, книга называется «Машина мемов» (*The Meme machine*, 1999). Блэкмор указывает, что мы используем одно и то же слово «научение» и для обозначения простой ассоциации, или выработки классического условного рефлекса (к которому способны почти все животные), и для обозначения обучения методом проб и ошибок, или выработки оперантного условного рефлекса (к которому способны многие животные), и для обучения через подражание (к которому животные почти не способны). Блэкмор утверждает, что подражание и научение настолько естественны для нас, что именно поэтому мы даже не замечаем, что подражание — это то, что составляет нашу специфику. Всё, чему мы научились через подражание, это мем. Возникает вопрос: можно ли сказать, что всё, что актуально присутствует в нашем сознании, является мемами? Блэкмор отрицательно отвечает на этот вопрос. Есть простые перцепции, которые мемами не являются. Например, мое визуальное восприятие некоего предмета не может быть передано таким образом, чтобы вызвать в другом человеке то же самое ощущение. Если я рассказываю об этом предмете или фотографирую или рисую его — это уже мем, но никак не мое зрительное восприятие. Возникает еще один вопрос: откуда берутся новые мемы? Блэкмор утверждает, что они возникают из комбинации и рекомбинации уже существующих мемов. Более сложные мемы возникают из простых. Сложные комбинации мемов называют *мемплексами*. Примером мемплекса может служить, например, религия, которая, по мнению представителей меметического подхода, является одним из наиболее устойчивых и сложных мемплексов. Блэкмор пишет: «Для того чтобы нечто можно было считать репликатором, оно должно поддерживать эволюционный алгоритм, основанный на изменчивости, отборе и наследственности. Как правило, мемы связаны с изменчивостью... и когда мемы передаются, копирование не всегда бывает точным... Существует меметический отбор: одни мемы привлекают к себе внимание, точно запоминаются и передаются другим людям, в то время как другие мемы вовсе не передаются. Таким образом, когда мемы передаются, происходит сохранение (наследование) некоторых идей или способов поведения в этом меме — какая-то часть изначального мема сохраняется для нас, и это можно назвать повторением или научением с помощью примера»⁵. Таким образом, мем идеально подходит под идею Докинза о репликаторе и под идею Деннета об эволюционном алгоритме.

Надо сказать, что рубеж 1990-х и 2000-х гг. был отмечен огромным интересом к меметике, она была чрезвычайно популярна, и количество публикаций на эту тему было огромно. Примерно в 2005 г. этот бурный интерес пошел на убыль. Количество публикаций, посвященных этой теме, существенно сократилось, но трое ее ведущих представителей — Р. Докинз, С. Блэкмор и Д. Деннет⁶ — продолжают активно разрабатывать ее идеи и использовать концепцию мемов в своих философских построениях.

Итак, после этого краткого исторического отступления, возвратимся к интересующей нас статье Шпербера. Он задается вопросом: возможны ли небиологические репликаторы? И отвечает: да, возможны. В качестве примера чистого мема он приводит так называемые «письма счастья». В таких письмах предлагается скопировать текст письма несколько раз и разослать реальным адресатам, в случае выполнения этой инструкции сулятся всяческие блага, а в случае невыполнения — разнообразные кары вплоть до смерти тому, кто прервет эту цепочку писем. Здесь мы видим мем во всей его чистоте: «письма счастья» не полезны людям, которые их копируют, они способствуют только своему собственному распространению. Но с этой точки зрения можно посмотреть на очень многие вещи: песни, мода, политические идеалы, кулинарные рецепты, этнические предубеждения и т.д. Не есть ли вообще всё — мемы? Если да, тогда культуру должна изучать меметика.

Как уже было сказано выше, Докинз и Деннет в свое время назвали «Универсальным дарвинизмом» применение дарвиновской модели с соответствующей корректировкой для объяснения культуры. В предисловии к книге Блэкмор «Машина мемов» Докинз пишет: «Эти мемы, если они вообще существуют, передаются с очень низкой точностью для того, чтобы выполнять роль, подобную генам, во всех процессах дарвиновского естественного отбора»⁷. Вот это важное утверждение Шпербер и хочет оспорить. Шпербер утверждает, что большинство культурных артефактов воспроизводится, но они не являются копиями друг друга. Следовательно, они не мемы. И дело не в том, что они копируются с низкой точностью. По мысли Шпербера, они вообще не копируются. О низкой точности копирования писал и сам Докинз. В «Расширенном фенотипе» (*The Extended Phenotype*, 1982) он пишет: «Процесс копирования мемов, возможно, гораздо менее точен, чем в случае генов; может иметь место некоторый “мутационный” элемент в каждом акте копирования»⁸.

Докинз предлагает следующий мысленный эксперимент, который затем исследует Шпербер. Рассмотрим фигуру на рис. 1.

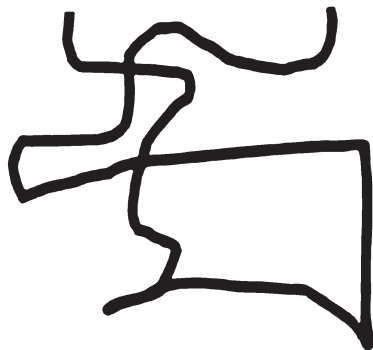

Рис. 1

Первому человеку показывают эту фигуру на десять секунд, а затем через десять минут просят воспроизвести ее так точно, насколько это возможно. Затем второму человеку показывают фигуру, нарисованную первым человеком, и просят сделать то же самое. И это повторяется с девятью участниками. Высока вероятность, что каждый рисунок будет отличаться от предыдущего, и чем дальше он будет отстоять в этой цепочке от изначального образца, тем больше он будет от него отличаться. Экспериментатор предлагает эти десять рисунков, разложенных в случайном порядке, испытуемым, и просит разложить их в той последовательности, в какой они были созданы. «Элемент мутации» в каждой копии настолько велик, что налицо смещение образа, никакой устойчивый образ не удерживается.

Теперь представим себе сходный эксперимент, но на этот раз с фигурой с рис. 2 в качестве изначальной модели.

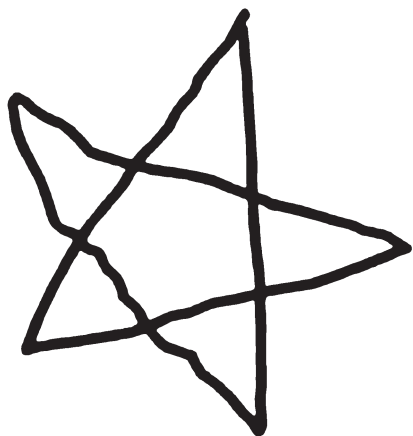

Рис. 2

Опять каждый полученный рисунок, выполненный следующим участником, несколько отличается от изначальной модели, поскольку каждый участник не сможет в точности воспроизвести образец во всех его подробностях. Однако на этот раз несмотря на низкую точность копирования, устойчивый образ удерживается на протяжении всех копий, и очень маловероятно, что индивидуальные вариации его исказят. Почему не удерживается образ с рисунка 1? Потому что здесь налицо попытка воспроизвести некий ментальный образ, идентифицировать который не удалось, и информация в процессе воспроизведения терялась. Во втором случае испытуемые распознавали фигуру как пятиконечную звезду, нарисованную без отрыва карандаша. Каждый участник такого эксперимента предполагал, что предыдущий участник не копировал рисунок, а стремился следовать имплицитной инструкции, и что дефекты (кривизна линий) были ненамеренными

и потому должны игнорироваться. Докинз предполагает: 1) что эти паттерны являются самонормализующимися, что «код» сам исправляет ошибки; 2) что устойчивость культурных паттернов доказывает, что вопреки индивидуальным вариациям точность при копировании остается высокой. Шпербер не согласен с Докинзом в обоих пунктах: 1) он считает, что само это понятие «самонормализация» в отношении культурных паттернов нуждается в объяснении; 2) он считает, что далеко не всегда мы вообще можем говорить о факте копирования. Понятно, почему Докинзу кажется естественным оперировать термином «самонормализация»: в биологии с середины XX в. существует термин «репарация ДНК», что по сути означает самовосстановление поврежденных участков ДНК с помощью нескольких ферментов. Докинз переносит это понятие из биологии в философию культуры и считает, что культурные паттерны (так же как ДНК) способны к самонормализации. Шпербер же полагает, что простая аппликация этого понятия к культурным процессам невозможна и нуждается в обосновании. Что же касается второго пункта, действительно, предмет А может быть копией другого предмета Б, не будучи при этом идентичным Б во всех отношениях. С точки зрения миметики, достаточно того, что А и Б будут разделять свойства, повторение которых мы пытаемся объяснить. И действительно, культурные артефакты на протяжении всего периода их вариативности (например, в случае фольклора это будет более длинный период, в случае модного покроя одежды – более короткий) выражают своего рода устойчивость – в мысленном эксперименте Докинза – в гораздо более мелком масштабе. Иными словами, хотя налицо серьезные индивидуальные вариации, все артефакты одного и того же типа остаются близкими друг другу и иллюстрируют один общий образец. С этим Шпербер согласен. Однако он ставит вопрос: является ли относительная стабильность, которую мы обнаруживаем в культурных паттернах, доказательством копирования? Докинз считает, что да. Шпербер в качестве альтернативного примера предлагает рассмотреть смех.

Смех – это социальное поведение, которое обычно в индивидуальном развитии инициируется смехом других и является в высшей степени заразной формой поведения. Смех подвержен влиянию в его интенсивности и типе, а обстоятельства его возникновения определяются культурными факторами. Более того, даже внутри культурной группы налицо важные индивидуальные различия. Почему же смех не является мемом? Потому что он не копируется. Младенец, который начал смеяться, не копирует смех, который он наблюдает. По мнению Шпербера, существует биологическая предрасположенность к смеху, которая активируется и тонко настраивается при встрече со смехом других. Сходным образом, тот, кто начинает импульсивно смеяться из-за смеха других, не подражает им. Программа, запуска-

ющая смех, была уже полностью в нем самом, и смех других только активировал ее. В данном пункте Шперберу следовало бы, на мой взгляд, пояснить, что собой представляет эта биологическая предрасположенность, что это за «программа, запускающая смех». Ввиду отсутствия этих пояснений Шпербера можно упрекнуть в том же, в чем он сам упрекает Докинза, когда речь идет о «самонормализации культурных паттернов».

Итак, Шпербер дает определение трех минимальных условий для истинного копирования. Для того, чтобы Б было копией А:

- 1). А должно быть причиной Б;
- 2). Б должно быть похоже в соответствующих аспектах на А;
- 3). процесс, который порождает Б, должен получать такую информацию от А, которая и делает Б похожим на А.

Можно сформулировать третье условие и по-другому, сказав, что Б должен унаследовать от А свойства, которые делают его похожим на А. В дискуссиях о мемах имплицитно принимают на веру, что совместная встречаемость причинения и похожести между причиной и следствием — это достаточное основание наследственности. Шпербер считает, что это не так. Причина может просто инициировать производство сходного эффекта, как мы это видели в случае смеха.

Обратимся еще раз к нашему мысленному эксперименту с двумя фигурами. В первом случае — запомнить и воспроизвести рис. 1 — участники рассчитывали на общие способности к восприятию, запоминанию и двигательные возможности. Иными словами, они полагались на общечеловеческие способности к подражанию, — способности, которой меметики придают очень большое значение. В данном случае, однако, она не срабатывает. Во втором случае, когда нужно было запомнить и воспроизвести рис. 2, стимулом является распознавание. Именно распознавание запускает действие знания, которое уже существовало раньше. Этот стимул можно определить как знак общего типа: пятиконечная звезда, нарисованная без отрыва карандаша. Особенности реального стимула, которые были бы чуждыми этому определению (кривизна, неправильность изначального образца), просто игнорируются. Когда попросили воспроизвести этот стимул через 10 минут, участники просто нарисовали еще одну пятиконечную звезду, в большинстве случаев даже не пытаясь вспомнить, как именно выглядела изначальная фигура. Их способность хорошо выполнить в данный момент эту задачу не является способностью к восприятию и копированию. Это способность распознать и воспроизвести, используя для этого знание о типе пятиконечной звезды, — знание, которое они уже имели до того, как столкнулись с этой фигурой. Следовательно, это вовсе не означает, что люди лучше копируют фигуру 1, чем фигуру 2. На самом деле они действительно плохо копируют фигуру 1, и они вовсе не копируют фигуру 2, а просто

производят еще один знак того же самого узнаваемого типа. Для того чтобы ее нарисовать, они выводят для себя инструкцию. А умение вывести для себя инструкцию включает гораздо больше, чем способность воспринимать и описывать, оно включает также способность определять цели и намерения. Инструкции не являются «самонормализующимися», как полагает Докинз. Это процесс распознавания целей, он-то и нормализует имплицитные инструкции, которые участники выводят из того, что наблюдают. Та инструкция, которую вы выводите, отчасти сообщает о том, что вы реально наблюдаете, а отчасти — о том, что вы уже знаете. Таким образом, эти инструкции не копируются, а должны быть извлечены. Нормализация инструкции происходит в результате того, что имеет место нечто иное, нежели копирование. Она происходит, потому что информация, которую несет в себе изначальный стимул, сочетается с информацией, уже доступной системе. В реальном мире, и в частности, в мире культуры, «включение» («запуск») и копирование могут сочетаться и сочетаются в разной степени. То, что «запускается» посредством культурного стимула — это приобретенные механизмы и навыки, которые более или менее являются специфичными для данной области знания. Шпербер никоим образом не отрицает копирование. Однако он указывает, что роль копирования и роль предсуществующих склонностей может меняться в соответствии с разными культурными данными. Изучение чечетки включает в себя больше подражания, чем научение ходьбе. Когда ребенок учится ходить, скорее, запускается его предсуществующая склонность к ходьбе, чем он подражает взрослым. При научении чечетке, разумеется, велика роль подражания и копирования. Однако, как и в примере со смехом, Шпербер не дает пояснения того, что такое «предсуществующая склонность».

А поскольку роль копирования варьируется в соответствии с различными факторами, заключает Шпербер, меметика должна быть здоровой исследовательской программой, не притязающей на универсальность. Если меметики сумеют дать убедительное доказательство того, что в микропроцессах культурной трансляции, элементы культуры наследуют все или почти все их релевантные свойства от других элементов культуры, которые они копируют, тогда меметики покажут, что есть относительно простое объяснение культурной трансляции: подражание делает всё (или почти всё). Однако Шпербер убежден в том, что такого доказательства со стороны меметики представлено не будет — но тогда что остается от программы меметики? Шпербер не отрицает, что сама идея мема представляет теоретический интерес. Дарвиновская модель естественного отбора разъясняет многое, и в том числе это относится к культуре. Подражание, даже если и не повсеместно, имеет большую ценность для исследований. Но в целом же, по мнению Шпербера, великий проект меметики ошибочен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Sperber D. Explaining Culture. A Naturalistic Approach.* – Blackwell Publishing, 1996. P. 1.

² *Ibid.* P. 2.

³ *Ibid.*

⁴ См.: *Sperber D. An objection to the memetic approach to culture // Darwinizing Culture. The status of memetics as a science.* Ed. by Robert Aunger. – Oxford, 2000. P. 163–173.

⁵ *Blackmore S. The Meme Machine.* – Oxford, 1999. P. 14.

⁶ Деннет в области философии сознания скорректировал ряд своих идей и сейчас придерживается несколько иной теории: в своей работе «Сладкие грезы» (*Sweet Dreams*, 2005) он уже не объясняет сознание через идею «виртуальной машины», созданной мемами, сосредоточившись на концепции «славы в мозге». Однако религию он по-прежнему продолжает рассматривать как мемплекс в работе «Разрушая чары» (*Breaking the Spell*, 2006).

⁷ *Blackmore S. The Meme Machine.* P. x.

⁸ *Докинз Р. Расширенный фенотип.* – М., 2010. С. 88.

REFERENCES

Blackmore S. *The Meme Machine.* Oxford, 1999.

Dawkins R. *The Extended Phenotype.* Moscow, 2010. 512 p. (Russian trans.).

Sperber D. An objection to the memetic approach to culture. In: *Darwinizing Culture. The status of memetics as a science.* Ed. by Robert Aunger. Oxford, 2000, pp. 163-173.

Sperber D. *Explaining Culture. A Naturalistic Approach.* Blackwell Publishing, 1996.

Аннотация

Статья посвящена известному современному французскому философу Дану Шперберу и его критике меметики. Шпербер анализирует аргументы Ричарда Докинза и показывает их ошибочность.

Ключевые слова: Дан Шпербер, Ричард Докинз, философия культуры, меметика, мемы.

Summary

The article is devoted to the famous contemporary French philosopher Dan Sperber and his criticism of memetics. Sperber analyzes the arguments of Richard Dawkins and shows their vulnerability.

Keywords: Dan Sperber, Richard Dawkins, philosophy of culture, memetics, memes.